

Снова пошёл снег.

На этот раз метель разыгралась куда сильнее прежней. В народе говорили: если к концу года случается такой буран, значит, долгожданный праздник уже на пороге. Зелень лесов скрылась под белым саваном; бамбуковые стебли, хоть и славились своей гибкостью, не выдерживали тяжести сугробов и с треском ломались.

Стужа стояла невыносимая. Семья Тао, объединив усилия, переложила больного из лечебницы в повозку, чтобы наконец забрать его домой. Колёса надрывно поскрипывали на заснеженной дороге — этот звук, похожий на скрежет заржавевшего механизма, больно бил по ушам. Вся жизнь семьи Тао сейчас напоминала этот самый механизм: неповоротливый, изношенный, едва способный сдвинуться с места.

Этот Новый год обещал стать самым тяжёлым в жизни Тао Цинъюя.

Юноша сидел снаружи, на козлах, подставляя лицо ледяному ветру. Выдыхаемый воздух превращался в густые белые облачка, а мелкие пряди волос, выбившиеся из-под шапки, кололи щёки, но он словно не замечал холода.

Пяти дней в уезде хватило, чтобы он окончательно протрезвел и осознал масштаб катастрофы.

Отец всё ещё был слаб, второй дядя сломал ногу. Беда не приходит одна: дедушка с бабушкой, изнурённые тревогой, тоже слегли. Семейная кубышка опустела. Лечение отца требовало огромных трат, лекарства заканчивались, а старикам тоже нельзя было прерывать приём снадобий.

Серебро закончилось. Всё, что имело хоть какую-то ценность, уже отнесли в ломбард, а в пруду больше не осталось рыбы на продажу.

«Что же нам делать дальше?»

Этот вопрос неотступно следовал за ним.

— Второй дедушка.

Вернувшись в деревню, Цинъюй подставил плечо деду, и вместе они дошли до дома Тао Юди.

У дедушки было двое братьев, и он, Тао Юлян, был старшим. Третий дедушка, Тао Юфан, уже присылал деньги через дядю Сяо Цзиня, когда они были в уезде. Но этих крох едва хватило на оплату счетов лекаря. Теперь оставалось лишь надеяться, что второй дедушка сможет хоть чем-то помочь.

Увидев родственников, Тао Юди на мгновение замешкался, прежде чем отпереть калитку. Стоявшая за его спиной жена, госпожа Хуан, недовольно поджала губы.

— Наверняка за деньгами пришли, — прошипела она, не скрывая брезгливости. — Я тебя предупреждаю: только попробуй им хоть медяк дать, я такой скандал устрою, мало не покажется.

— Да замолчи ты хоть на минуту, — буркнул Тао Юди и, ссутулившись ещё сильнее, открыл дверь. — Брат, проходи в дом, присядь.

Тао Юди ещё утром слышал от жены, что домочадцы старшего брата вернулись из города. Но он и представить не мог, что всего за несколько дней Тао Юлян так сдаст — теперь тот не мог и шагу ступить без своего посоха. На сердце у младшего брата стало горько.

— Отойди, второй... Я не задержусь, — голос Юляна звучал глухо и тяжело. — Ты и сам знаешь, что с моим старшим случилось. Я пришёл, отбросив стыд, просить об одолжении. Можешь ли ты занять нам немного серебра?

Тао Юди открыл было рот, чтобы ответить, но госпожа Хуан опередила его, едко усмехнувшись:

— Ох, брат, что вы такое говорите! В нашем доме и медных грошей-то кот наплакал, откуда у нас серебро? У вас ведь, как-никак, целый рыбный пруд был под боком, неужто всё проели?

С каждым словом она распалась всё больше, выплёскивая застарелую обиду:

— Когда с прудом всё ладно было, вы о нас и не вспоминали. А как прижало... хм, сразу вспомнили, где деньги просить.

— Ты... замолчи сейчас же! — вскричал Тао Юди.

Но госпожа Хуан лишь упёрла руки в бока, уподобившись яростной якше:

— А что я такого сказала?! Тао Юди, я тебе прямо говорю: денег не дам!

— Да как ты...

— А вот так! — она плюхнулась прямо на землю и заголосила на всю улицу: — Ох, горькая моя доля! Столько лет на семью Тао батрачу, недоедаю, недосыпаю... Когда вы богатели, о муже моём не думали! А теперь, когда у самих в котелке пусто, этот олух последнее из дома вынести хочет!

Тао Юлян в изнеможении закрыл глаза. Цинъюй чувствовал, как дрожит рука старика, на которую он опирался. Юноша до боли стиснул зубы.

— Дедушка, пойдём отсюда.

Тао Юлян посмотрел на младшего брата долгим, скорбным взглядом.

— Пруд у нас был, верно. Но мы его своим горбом подняли. И всё же, разве мы о вас забывали? В каждый праздник — и мясо, и рыба на вашем столе были от нас. Неужели я лгу?

Тао Юди стоял, не смея поднять глаз.

— Брат, я...

Он в сердцах бросился в спальню, надеясь вынести хоть что-то, но госпожа Хуан вихрем пронеслась мимо и вцепилась в заветный узел с вещами. Глаза её на выкате горели такой злобой, будто она готова была вцепиться мужу в глотку.

— Только попробуй, Тао Юди! Если отдашь — как мы зимовать будем? Да я с тобой разведусь в тот же день!

Тао Юлян не хотел становиться причиной раздора в семье брата. Но слова женщины ранили его в самое сердце. Он, как старший в роду, никогда не обделял младших — ни до раздела имущества, ни после. Откуда же в ней взялось это убеждение, что они «забыли родню, разбогатев»?

— Пойдём, внук... — устало выдохнул старик. — Пойдём.

— Второй дедушка, вторая бабушка, мы уходим, — тихо произнёс Цинъюй.

Зимний ветер хлестал по лицу, точно плетью. Юноша поддерживал деда, и сердце его обливалось кровью. На склоне лет старику приходится выносить такие унижения ради куска хлеба.

Юноша облизнул потрескавшиеся губы.

— Дедушка, в остальные дома не пойдём. Я что-нибудь придумаю.

Тао Юлян крепко сжал его ладонь, заходясь в сухом кашле.

— Пойдём. Нужно попытаться.

Они обошли ещё несколько дворов. Где-то их встречали холодными насмешками, где-то заводили долгие речи о собственной нищете, а где-то принимали с фальшивыми улыбками, выпроваживая за ворота с парой подгнивших корнеплодов в руках. Кое-кто, впрочем, всё же откликнулся — удалось собрать два-три лян мелкими монетами, и это было уже большой удачей.

Смеркалось. В доме Тао очаг оставался холодным.

Семья собралась за столом. В мисках была жидкая рисовая похлёбка, в которой плавали чешуйки отрубей. На всех — одна тарелка солёных овощей, блюдо с редькой и по одному варённому клубню сладкого картофеля. Если те, кто не болен, будут питаться так дважды в день, запасов картофеля хватит до весны. Но на дольше их не хватит.

Ели в полном молчании, тишину нарушал лишь редкий стук палочек о края мисок.

— Пруд... надо продавать, — первым нарушил тишину дедушка.

Третий дядя, Ян Цюэ, жена второго дяди и бабушка посмотрели на Цинъюя и молча кивнули. В крестьянских семьях всем заправлял старший сын — раньше это был Тао Далан. Но теперь, когда юноша сам ловил рыбу и фактически содержал дом, близкие видели в нём опору и считались с его мнением. Без согласия Цинъюя пруд продавать не стали бы.

Юноша открыл было рот. Ему хотелось закричать, что нельзя этого делать, что без пруда они все пойдут по миру. Но слова застряли в горле. Если не продать — что будет с отцом? Чтобы поддерживать в нём жизнь, нужны дорогие лекарства.

Никогда прежде Цинъюю не было так страшно. Чувствуя себя марионеткой, у которой обрезали нити, он лишь тяжело кивнул.

Той ночью жизнь семьи Тао изменилась навсегда. Казалось, за несколько часов седины на головах стариков прибавилось вдвое.

Двадцать восьмое число двенадцатого месяца.

Снег, выпавший недавно, подтаял. На небе несколько дней сияло солнце, но Цинъюй никак не мог согреться — даже его вечно горячие руки и ноги теперь казались ледяными.

Сегодня он должен был окончательно договориться о продаже пруда и закупить новую порцию лекарств. Риса в ларе тоже почти не осталось.

Размышляя об этом, юноша брёл в сторону уезда. Он слышал, что в городском ломбарде можно заложить землю под проценты — так был шанс со временем выкупить пруд обратно.

Не успел он выйти на большую дорогу, как в сером мареве зимнего утра мелькнуло яркое пятно. Кто-то в красном приближался к нему. Цинъюй инстинктивно отвёл взгляд и прибавил шагу. Но женщина в нарядном платье преградила ему путь у стогов сена.

Она улыбалась — пожилая, с приятным и добрым лицом. На ней была добротная стёганая куртка, волосы аккуратно уложены. Она назвала его Юй-гээр, хотя он видел её впервые.

— Простите, если у вас есть дело — поговорим позже, я очень спешу, — бросил он, не поднимая глаз.

— Ох, милый, дело у меня как раз неотложное, — старушка мягко придержала его за рукав. — Я тебя не задержу, выслушай только. Слышал ли ты о семье Фан? Учитель Фан просил меня посвататься к тебе.

Только тогда Цинъюй посмотрел на неё, но взгляд его был пуст. Собеседница знала о беде в его доме и, вспомнив наставления «того паренька», продолжала лучезарно улыбаться:

— В семье Фан он один-единственный. Сам учитель в академии. Выйдешь за него — никакой свекрови над душой, да и муж-цзюйжэнь — это же какой почёт для семьи...

«И сколько нынче стоит этот почёт?»

Цинъюй облизнул сухие губы. Женщина лишь сокрушённо вздохнула про себя. Ей было искренне жаль парня, и она втайне ругала своего нанимателя:

«И надо же было до такого додуматься!»

— Десять лянов серебром.

Юноша лишь покачал головой и попытался обойти её. За две жизни он усвоил одно: манна

небесная на голову не падает, зато камни летят регулярно. А сейчас эти камни грозили раздавить всю его семью.

Старушка не выдержала. Видя, что он уходит, она поспешила следом:

— Гээр, а как насчёт ста лянов?

Ноги Цинъюя словно налились свинцом. Он замер. Сто лянов. В это суровое время за такие деньги можно было выкупить жизни всей его семьи.

Он обернулся, на губах заиграла горькая усмешка.

«Если кто-то подослал её поиздеваться над нами — пускай. Мне не нужны их сто лянов, пусть только посмеются и оставят нас в покое. У меня нет сил на эти игры»

— Сто лянов — это прекрасная цена, — вслух произнёс он. — Что же, тогда уговор прост: деньги на бочку, и человек ваш.

Сто лянов... Во всей деревне Баопин не нашлось бы дома, где была бы такая сумма. Это казалось бредом, дурной шуткой...

Пока бумажный лист не коснулся его ладони.

Цинъюй резко вскинул голову. Тепло пальцев молодого учителя передалось ему через бумагу, заставив сердце дрогнуть.

Фан Вэньли стоял перед ним в длинном халате и подбитом мехом плаще. Глаза чёрные, как тушь, волосы высоко собраны. На губах играла едва заметная улыбка. Благородный, как яшма, утончённый и спокойный.

В безмолвии зимней деревни, среди холодных полей, он казался единственным ярким видением.

— Деньги переданы, — негромко произнёс он. — Согласен ли хозяин Сяо Юй передать человека?

Юноша замер, не в силах вымолвить ни слова. Фан Вэньли не убирал руки, всё ещё касаясь его пальцев через купюру.

«Не ожидал увидеть меня?»

— спросил он.

Цинъюй попытался улыбнуться, но лицо его исказила гримаса боли. Он медленно убрал руку.

— Учитель Фан, не стоит шутить со мной. Я... мне сейчас не до шуток.

— Я и не шучу. Торговцы должны быть честными, верно? Я выполнил твоё условие — отдал деньги. Теперь я жду ответа, — он чуть склонился, заглядывая юноше в глаза.

— Мне ничего не нужно, — бросил Цинъюй и быстро пошёл прочь.

Сваха смотрела им вслед, и взгляд её постепенно смягчался. Фан Вэньли шёл рядом. Заметив, как парень дрожит в своей тонкой одежде, он снял плащ и накинул его на плечи собеседника.

— Я могу помочь тебе.

Цинъюй остановился. Лицо его, обрамлённое пушистым кроличьим мехом, казалось совсем крохотным, щёки болезненно впали.

— Почему? — в его глазах читалось искреннее недоумение.

Учитель горько усмехнулся:

— Считаю, что я помогаю и самому себе.

Но юноша снова покачал головой. В его представлении их связывала лишь купля-продажа рыбы. Учитель и продавец рыбы — не более. Он не был настолько самонадеян, чтобы поверить в искреннюю дружбу, и не видел, чем такой, как он, может быть полезен учёному.

— У меня дела. Прощайте.

Фан Вэньли выпрямился, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. Он вдруг тихо рассмеялся, но в этом смехе не было радости.

«Всё-таки придётся действовать так»

— Ты ведь в ломбард собрался, пруд закладывать? — окликнул он парня. — Я узнавал: его оценят как обычный кусок бесплодной земли. Больше десяти лянов тебе не дадут. А если брать в долг под залог, получишь от силы тридцать.

Цинъюй хотел было усмехнуться, но рана на губе снова лопнула, и на подбородок скатилась капля крови.

— Тридцать лянов — это тоже деньги, — прошептал он, не оборачиваясь.

— Выйди за меня, и я дам тебе двести лянов. Свадьбу сыграем, когда сам захочешь. Тебе нужно только кивнуть.

Фан Вэньли преградил ему путь, слегка склонившись. Его высокая фигура почти полностью закрыла Цинъюя от колючего ветра, словно живой щит.

— Двести лянов? — тот наконец поднял на него взгляд.

У мужчины защемило в груди.

— Да. Двести лянов.

На лице Цинъюя промелькнула тень прежней лукавой улыбки.

— А можно... просто занять их у вас? — с надеждой спросил он.

Фан Вэньли отвёл взгляд и, пересилив себя, твёрдо ответил:

— Нет. Мне нужно, чтобы мы поженились.

Цинъюй, словно окончательно в чём-то удостоверившись, улыбнулся — на этот раз искренне. Кровь запеклась на его губах, лицо осунулось от невзгод, даже волосы утратили прежний блеск. Но эта улыбка на мгновение вернула учителю того самого жизнерадостного гээра, которого он знал раньше.

— Хорошо. Я согласен. Но мне хватит и пятидесяти лянов.

Фан Вэньли тоже улыбнулся. Он протянул руку и едва коснулся пряди волос на лбу юноши. Под недоумённым взглядом Цинъюя он раскрыл ладонь — на ней лежал подсохший бамбуковый лист, который он долго сжимал в руке.

— Не нужно торговаться. Если мы женимся, я не допущу, чтобы ты в чём-то нуждался.

Он понимал: Цинъюю важно было знать, что Фан Вэньли преследует свою выгоду. Только поняв условия сделки, юноша мог принять эти деньги. Он также знал, что Цинъюй всё равно будет считать это долгом и постарается вернуть его. Этот гээр не был нежным цветком, выращенным

в неге. Он вырос в борьбе, в труде и твёрдо знал: бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Фан Вэньли снова протянул ему купюру в сто лянов. Глядя, как парень принимает её, он почувствовал одновременно и облегчение, и жгучую ненависть к самому себе. Если бы не этот несчастный случай, он бы посватался как положено. Сделай он это раньше — не пришлось бы прибегать к таким жестоким методам.

Но, к его удивлению, Цинъюй не выказал ни гнева, ни обиды. Он лишь не сводил глаз с тонкого листка бумаги. Фан Вэньли зажмурился, пряча тень в своей душе, а когда открыл глаза — снова стал тем самым благообразным учителем.

— Сяо Юй. Могу я так называть тебя?

— Можете, — Цинъюй крепко сжал пальцы. Он глубоко вздохнул, и в его круглых глазах отразилась бесконечная признательность. — Спасибо.

Пусть это было использование его слабости, пусть у учителя были свои цели — в этот миг он стал спасителем для всей семьи Тао.

Фан Вэньли на мгновение замер.

— Не за что, — тихо ответил он, отводя взгляд.

«Это мне стоит благодарить за согласие»

— Мне нужно в уезд за лекарствами.

— Я пойду с тобой.

Цинъюй было всё равно. Он посмотрел на женщину, стоявшую поодаль:

— А она?..

— Это моя шинянь. Ты не против, если она зайдёт к вам в дом? Просто чтобы навестить старших от моего имени.

Юноша немного подумал и кивнул:

— Хорошо.

Раз уж он дал обещание, нужно было вести себя подобающе. Фан Вэньли едва заметно улыбнулся, и ледяная аура вокруг него окончательно растаяла. Когда учитель улыбался вот так — искренне и открыто — он был неопишимо красив. Жаль только, Цинъюю сейчас было не до эстетических восторгов.

Для Фан Вэньли всё было предельно ясно: как сказал отец Тао, если гээр согласен — препятствий нет. Цинъюю согласился, хотя и считал это простой сделкой. Но учитель хотел, чтобы со старшими всё было решено по чести. Этот способ был лишь вынужденной мерой, а сам брак должен быть законным и признанным всеми.

Фан Вэньли подошёл к наставнице и шепнул ей несколько слов. Та в ответ лишь ласково улыбнулась Цинъюю. Когда мужчина вернулся к парню, тот молча зашагал в сторону тракта. На выезде из деревни они поравнялись с парой повозок. Фан Вэньли осторожно придержал юношу за рукав.

— Поедем в экипаже? Так будет быстрее.

Два возчика, грея руки в рукавах, ждали приказа. Цинъюю не стал упрячиться и кивнул. Поднимаясь внутрь, он мельком заметил руку Фан Вэньли, готовую поддержать его. Юноша вежливо улыбнулся и снял с плеч тяжёлый плащ.

Устроившись внутри, Цинъюю приготовился вернуть вещь владельцу, но экипаж тронулся, а Фан Вэньли так и не вошёл. Юноша откинул полог.

— Опустите занавеску, — тут же отозвался тот. — Надует.

— А вы разве не зайдёте?

— Нет. Сиди на месте.

Цинъюю увидел, что учитель устроился снаружи рядом с возницей, и с опозданием понял: тот просто соблюдает приличия.

— Возьмите, — он протянул плащ.

— Оставь себе, накройся...

Юноша силой впихнул плащ ему в руки.

— Если заболеете, страдать будете сами, — бросил он и скрылся за занавеской.

Фан Вэньли надел плащ, чувствуя оставшееся тепло. В его глазах замерцали искорки. Возница же, глядя прямо перед собой, размышлял:

«Говорили, этот господин нелюдим, а он к будущему супругу так нежен. Видать, заботливым мужем будет»

Госпожа Мэн дождалась, когда повозки скроются из виду, и направилась к дому Тао. Посмотрев на своё нарядное платье, она вернулась к карете и накинула сверху скромную серую накидку.

В доме Тао из-за последних событий ворота были крепко заперты. Из-за забора доносились лишь тихие детские голоса. Соседка Цинь Лихуа, в очередной раз обходя свой двор с чашей воды с реальгаром, не выдержала и заглянула за ограду к соседям.

Тао Цинцзя тут же обернулся и, заслонив собой младших — Цинья и Цинмяо, — враждебно уставился на неё.

— Ах ты, паршивец! Что это за взгляд?! — взвизгнула Цинь Лихуа.

— Цинь Лихуа! Жить надоело?! — Ян Цюэ, сидевший на пороге, тут же вскочил и вышел во двор. — Мало тебе прошлого раза было, сама на рожон лезешь?

— А что такого? Я же из добрых побуждений... — она вальяжно облокотилась на забор и ядовито ухмыльнулась: — Слыхала я, вы пруд продавать собрались?

— Не твоего ума дело!

Ян Цюэ огляделся — во дворе было чисто, ни одного камня под рукой.

«Надо будет велеть детям насобирать камней про запас, — подумал он, — а то дрова жалко переводить»

— Да ты не кипятись. Я же говорю: согласились бы сразу на моё предложение...

— Ещё одно слово... — Ян Цюэ прищурился так, что у соседки мурашки пошли по коже.

Она притворно прихлопнула себя по губам:

— Молчу-молчу.

Отойдя на безопасное расстояние, она всё же не удержалась:

— Кому нынче деньги не нужны? Вот и нам не помешали бы. Ваш Юй-гээр моего племянника в грош не ставит, так пускай по другим дворам ходит. Посмотрим, кто за него больше даст. Десять лянов точно никто не предложит, а за пять, глядишь, и...

Трах!

— А-а-а!

Ян Цюэ замер. Он посмотрел на полено в своей руке, которое так и не успел бросить, и увидел, как Цинь Лихуа схватилась за голову, воя от боли.

«Откуда камень взялся?»

Ян Цюэ в недоумении посмотрел на детей.

— Дядя, это снаружи прилетело! — Тао Цинцзя указал на калитку.

Мужчина быстро завёл детей в дом.

— Ян Цюэ! Ты, голодранец, смеешь в меня камнями кидаться! — вопила соседка, а под её пальцами на лбу уже росла внушительная шишка.

Он пропустил её крики мимо ушей. Услышав стук в ворота и решив, что это Цинъюй, он поспешил открыть.

— Юй... — его улыбка погасла. Перед ним стояли чужие люди.

— Простите, здесь ли проживает господин Тао Синъюн?

Ян Цюэ недоверчиво окинул взглядом пожилую женщину и рослого слугу за её спиной.

— Ян Цюэ! Я тебя засужу! — не унималась соседка.

Старушка обернулась и, глядя прямо на мужчину, невозмутимо произнесла:

— Прошу прощения, это я по неосторожности.

Его глаза радостно блеснули, и он тут же распахнул ворота, впуская гостью. Вышедшая на шум Сун Хуань лишь вздохнула:

«Эх, никакой осторожности у парня»

Фан У тоже вышел на крыльцо, выливая воду из таза. Он поставил таз на каменный выступ, вытер руки и с любопытством посмотрел на прибывшую.

— Вы к кому?

Мэн Суцзин сразу выделила его среди остальных. Несмотря на то что он был простым деревенским фуланом, одежда его была опрятной, а держался он спокойно и с достоинством.

«Будущий тесть — человек стоящий»

— отметила она про себя.

— Зовут меня госпожа Мэн, — с улыбкой представилась гостя. — Можете называть меня тётушкой Мэн. Я пришла навестить старшего господина Тао по поручению одного человека. Заносите.

По её знаку слуга начал затаскивать во двор огромные тюки и корзины.

— Что вы... зачем столько? Мы не можем принять, — заволновался Фан У. У семьи Тао никогда не было таких богатых родственников. Он чувствовал неладное, но рослый слуга выглядел слишком внушительно, чтобы подходить ближе.

— Можете-можете, — успокоила его пожилая дама.

Пока вещи заносили, она снова обернулась к соседскому забору. Цинь Лихуа во все глаза уставилась на подношения, едва ли не пуская слюни от жадности. В глазах госпожи Мэн мелькнуло отвращение.

— Прошу прощения, я уже стара, глаза не видят, уши не слышат. Мне показалось, какая-то горная курица кудахчет так противно, что я велела закидать её камнями. Вы ведь не в обиде?

На госпоже Мэн под серой накидкой было платье из алого шёлка, а сама накидка была подбита

дорогим атласом. Даже если крестьяне не разбирались в тканях, было ясно: эти вещи стоят целое состояние. В волосах её поблескивала нефритовая шпилька, в ушах — такие же серьги. Всё в её облике выдавало женщину знатную и обеспеченную. Соседка, поняв, что наткнулась на кого-то не по зубам, в ужасе ретировалась.

Только тогда Мэн Суцзин подошла к Фан У и мягко взяла его за руку.

— Не бойся, дитя. Я пришла от имени семьи Фан.

При упоминании фамилии Фан Фан У сначала подумал о своих родителях. Но потом вспомнил разговор мужа об учителе из уезда.

— Вы от учителя Фана? — осторожно спросил он.

Госпожа Мэн ласково похлопала его по руке:

— Какой он учитель для своих? Зови его просто Цунлю.

Все присутствующие во дворе облегчённо выдохнули. Значит, не чужие.

— Проходите в дом, тётушка Мэн.

В главной комнате теперь редко топили печь из экономии. Ян Цюэ тут же бросился разводить огонь. Старики, услышав о госте, тоже вышли, опираясь на посохи. Когда подали чай, Фан У наконец присел рядом.

Госпожа Мэн окинула всех собравшихся спокойным взглядом.

— Я — шинян этого мальчишки. И прежде чем мы начнём разговор, я хочу попросить у вас прощения от его имени.

Она собралась было встать и поклониться, но семья Тао в ужасе бросилась её удерживать.

— Что вы, он ничего плохого не сделал! За что вам извиняться? — Фан У помог ей сесть обратно.

Госпожа Мэн покачала головой:

— Этот неслух поступил опрометчиво. Прибежал к вашему старшему с таким важным делом, не соблюдая приличий... это было крайне невежливо. Но прошу вас, не судите его строго — сердце у него доброе, он просто слишком беспокоился.

— Мы не держим зла, — ответил дедушка Тао.

— Он очень хотел прийти сам, но, поскольку в его доме нет старших, это было бы против правил. Вот он и упросил меня навестить вас, — продолжала гостья.

— Это очень благородно с его стороны, — кивнула бабушка Цзоу. — Но дело между ним и нашим гээром... боюсь, сейчас не лучшее время...

— Оставим это. Мы сегодня не о свадьбе говорим. Я пришла просто справиться о вашем здоровье.

Семья Тао про себя отметила: хоть дело ещё и не решено, Фан Вэньли прислал шинян — значит, он действительно ценит их сына.

В уезде.

Экипаж летел быстро — путь, который обычно занимал два часа, они преодолели меньше чем за час. Как только кони остановились, Цинъюй спрыгнул на землю. Фан Вэньли лишь молча убрал руку, которой хотел подстраховать юношу. Возница увёл лошадей на постой, и у входа в лечебницу они остались вдвоём.

Юноша первым взбежал по ступеням. Внутри он увидел Чжоу Линъи, который неприкаянно бродил по залу.

— Доктор Чжоу, мне нужны лекарства для отца.

Тот улыбнулся и жестом пригласил его:

— Сюда, проходи.

Рецепт был прежним, просто в прошлый раз у семьи Тао не хватило денег на полный курс. Чжоу Линъи, выросший в этих стенах, управлялся с травами мастерски. Он сверил рецепт с дедом, кое-что подправил и начал быстро собирать пакеты, даже не глядя на весы — рука его была точна.

Когда пять порций были готовы и счёт выставлен, Цинъюй молча положил на стол купюру в сто лянов. Чжоу Линъи даже бровью не повёл, принявшись отсчитывать сдачу. Тонкий листок бумаги в один миг превратился в тяжёлые, увесистые слитки серебра. Юноша тщательно убрал их.

В этот момент доктор, уловив секунду, когда Цинъюй отвернулся, одними губами бросил Фан Вэньли:

— Подлец.

Учитель лишь мельком взглянул на него и снова перевёл взгляд на юношу.

Да, это было подло. Узнав от Чжоу Линъи о состоянии Тао Синъюна, Фан Вэньли перебрал сотни вариантов. Он долго колебался, но в конце концов не смог совладать с собой и принял это решение. Так было быстрее всего. Он знал, что в такой ситуации гээр не сможет долго сомневаться. А получив статус жениха, он мог помогать семье Тао открыто и законно.

Ему нужно было лишь согласие Цинъюя. А сама свадьба... он мог ждать столько, сколько потребуется.

«Лицемер! Ханжа!»

Чжоу Линъи продолжал безмолвно обличать его.

Цинъюй спрятал деньги. Пакеты с лекарствами уже были в руках у Фан Вэньли. Юноша с некоторым смущением посмотрел на него. Учитель не отвёл взгляда и не собирался отдавать ношу.

— Можешь ли ты зайти ко мне домой перед возвращением? — спросил он.

— Мне нужно скорее заварить лекарство отцу.

— Это не займёт много времени. Мне нужно кое-что взять.

Цинъюй удивился:

— Вы снова собираетесь к нам?

Глаза учителя были темны и непроницаемы.

— Я ведь уже был в вашей деревне. Будет крайне невежливо не нанести официальный визит вашим старшим. Я не задержусь надолго... Позволишь мне поехать с тобой?

Чжоу Линъи, опершись на прилавок, лишь тихо хмыкнул про себя:

«Старый лис, как же складно поёт»

<http://bllate.org/book/15858/1442924>